

Анализ пятой части.

«Преступление и наказание»

Ф.М.Достоевский

План.

- Лужин и Лебезятников.
- ✓ Лужин обвиняет Соню в воровстве.
- ✓ Раскольников раскрывает мотивы подлого поступка Лужина.
- ✓ Катерина Ивановна «с воплем и со слезами выбежала на улицу – с неопределённой целью где-то сейчас, немедленно и во что бы то ни стало найти справедливость».
- Раскольников признаётся Соне в убийстве:
- ✓ Внутренний монолог Раскольникова по дороге к Соне,
- ✓ Сцена признания (гл.4),
 - Внутренние монологи Раскольникова после объяснения с Соней (гл.5),
 - Уличная сцена Катерины Ивановны с детьми (глазами Раскольникова).

Четвёртая часть.

Сцена с Евангелием.

Соня читает Раскольникову «Воскресение Лазаря».

— Читай! Я так хочу! — настаивал он, — читала же Лизавете! Соня развернула книгу и отыскала место. Руки ее дрожали, голосу не хватало. Два раза начинала она, и всё не выговаривалось первого слога.

Притча.

«Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь*; верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек. Верить ли сему? Она говорит ему (и как бы с болью переводя дух, Соня раздельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала): Так, господи! Я верую, что ты Христос, сын божий, грядущий в мир».

Почему Раскольников пошёл к Соне.

Разве ты не то же сделала? Ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... свою (это всё равно!). Ты могла бы жить духом и разумом, а кончишь на Сенной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься *одна*, сойдешь с ума, как и я. Ты уж и теперь как помешанная; стало быть, нам вместе идти, по одной дороге! Пойдем!

Соня вся вздрогнула от испуга. — Да разве вы знаете, кто убил? — спросила она, леденея от ужаса и дико смотря на него. — Знаю и скажу... Тебе, одной тебе! Я тебя выбрал. Я не прощения приду просить к тебе, я просто скажу. Я тебя давно выбрал, чтоб это сказать тебе, еще тогда, когда отец про тебя говорил и когда Лизавета была жива, я это подумал. Прощай. Руки не давай. Завтра!

Мысли по дороге к Соне.

Кроме того, у него было в виду и страшно тревожило его, особенно минутами, предстоящее свидание с Соней: он *должен был* объявить ей, кто убил Лизавету, и предчувствовал себе страшное мучение, и точно отмахивался от него руками.

В раздумье остановился он перед дверью с странным вопросом: «Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?» Вопрос был странный, потому что он вдруг, в то же время, почувствовал, что не только нельзя не сказать, но даже и отдалить эту минуту, хотя на время, невозможно. Он еще не знал, почему невозможно; он только *почувствовал* это, и это мучительное сознание своего бессилия перед необходимостью почти придавило его.

Раскольников признаётся Соне в убийстве.

Соня начала дышать с трудом. Лицо становилось всё бледнее и бледнее. — Знаю. Она помолчала с минуту. — Нашли, что ли, его? — робко спросила она. — Нет, не нашли. — Так как же вы про *это* знаете? — опять чуть слышно спросила она, и опять почти после минутного молчания. Он обернулся к ней и пристально-пристально посмотрел на нее. — Угадай, — проговорил он с прежнею искривленною и бессильною улыбкой.

— Стало быть, я с *ним* приятель большой... коли знаю, — продолжал Раскольников, неотступно продолжая смотреть в ее лицо, точно уже был не в силах отвести глаз, — он Лизавету эту... убить не хотел... Он ее... убил нечаянно... Он старуху убить хотел... когда она была одна... и пришел... А тут вошла Лизавета... Он тут... и ее убил. Прошла еще ужасная минута. Оба всё глядели друг на друга. — Так не можешь угадать-то? — спросил он вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни. — Н-нет, — чуть слышно прошептала Соня. — Погляди-ка хорошенько.

Подтверждение слов Мармеладова.

Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягчило ее. Он не сопротивлялся ему: две слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах. — Так не оставишь меня, Соня? — говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее. — Нет, нет; никогда и нигде! — вскрикнула Соня, — за тобой пойду, всюду пойду! О господи!.. Ох, я несчастная!.. И зачем, зачем я тебя прежде не знала! Зачем ты прежде не приходил? О господи! — Вот и пришел.

Теория.

— А что и в самом деле! — сказал он, как бы надумавшись, — ведь это ж так и было! Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Ну, понятно теперь? — Н-нет, — наивно и робко прошептала Соня, — только... говори, говори! Я пойму, я *про себя* всё пойму! — упрашивала она его. — Поймешь? Ну, хорошо, посмотрим! Он замолчал и долго обдумывал.

— Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, регистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно?

— Сама видишь, что не так!.. А я ведь искренно рассказал, правду! — Да какая ж это правда! О господи! — Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную. — Это человек-то вошь! — Да ведь и я знаю, что не вошь, — ответил он, странно смотря на нее. — А впрочем, я вру, Соня, — прибавил он, — давно уже вру... Это всё не то; ты справедливо говоришь. Совсем, совсем, совсем тут другие причины!... Я давно ни с кем не говорил, Соня... Голова у меня теперь очень болит.

- Я пошел как умник, и это-то меня и сгубило! И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ли я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? — то, стало быть, уж не вошь человек *для меня*, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет... Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? — так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон... Всю, всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал: я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотел в этом даже себе! Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор!

Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, всё равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это всё теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...

**— Убивать? Убивать-то право имеете?
— всплеснула руками Соня. — Э-эх,
Соня! — вскрикнул он
раздражительно, хотел было что-то
ей возразить, но презрительно
замолчал. — Не прерывай меня, Соня!
Я хотел тебе только одно доказать:
что черт-то меня тогда потащил, а уж
после того мне объяснил, что не имел
я права туда ходить, потому что я
такая же точно вошь, как и все!**

— И убили! Убили! — Да ведь как убил-то? Разве так убивают? Разве так идут убивать, как я тогда шел! Я тебе когда-нибудь расскажу, как я шел... Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я... Довольно, довольно, Соня, довольно! Оставь меня, — вскричал он вдруг в судорожной тоске, — оставь меня!

— Что делать! — воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали. — Встань! (Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении). Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда бог опять тебе жизни пошлет.

— Не будь ребенком, Соня, — тихо проговорил он. — В чем я виноват перед ними? Зачем пойду? Что им скажу? Всё это один только призрак... Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. Плуты и подлецы они, Соня!.. Не пойду. И что я скажу: что убил, а денег взять не посмел, под камень спрятал? — прибавил он с едкою усмешкой. — Так ведь они же надо мной сами смеяться будут, скажут: дурак, что не взял. Трус и дурак! Ничего, ничего не поймут они, Соня, и недостойны понять. Зачем я пойду? Не пойду.

!!!

- Five minutes later he raised his head with a strange smile.
- That was a strange thought.
- "Perhaps it really would be better in Siberia," he thought suddenly.

Изучайте английский язык с помощью параллельного текста книги "Преступление и наказание, Часть пятая". Метод интервальных повторений для пополнения словарного запаса английских слов.

**Минут через пять он поднял голову и
странно улыбнулся.**

Это была странная мысль:

**"Может, в каторге-то действительно
лучше", - подумалось ему вдруг.**

Монолог Раскольников.

Никогда, никогда еще не чувствовал он себя так ужасно одиноким! Да, он почувствовал еще раз, что, может быть, действительно возненавидит Соню, и именно теперь, когда сделал ее несчастнее. «Зачем ходил он к ней просить ее слез? Зачем ему так необходимо заедать ее жизнь? О, подлость!» — Я останусь один! — проговорил он вдруг решительно, — и не будет она ходить в острог! Минут через пять он поднял голову и странно улыбнулся. Это была странная мысль: «Может, в каторге-то действительно лучше», — подумалось ему вдруг.

Монолог после объяснения с сестрой.

Нет, он не был холоден к ней. Было одно мгновение (самое последнее), когда ему ужасно захотелось крепко обнять ее и *проститься* с ней, и даже *сказать*, но он даже и руки ей не решился подать: «Потом еще, пожалуй, содрогнется, когда вспомнит, что я теперь ее обнимал, скажет, что я украл ее поцелуй!»

Уличная сцена.

Измучившееся чахоточное лицо ее смотрело страдальнее, чем когда-нибудь (к тому же на улице, на солнце, чахоточный всегда кажется больнее и обезображеннее, чем дома); но возбужденное состояние ее не прекращалось, и она с каждой минутой становилась еще раздраженнее. Она бросалась к детям, кричала на них, уговаривала, учила их тут же при народе, как плясать и что петь, начинала им растолковывать, для чего это нужно, приходила в отчаяние от их непонятливости, била их... Потом, не докончив, бросалась к публике; если замечала чуть-чуть хорошо одетого человека, остановившегося поглядеть, то тотчас пускалась объяснять ему, что вот, дескать, до чего доведены дети «из благородного, можно даже сказать, аристократического дома». Если слышала в толпе смех или какое-нибудь задирательное словцо, то тотчас же набрасывалась на дерзких и начинала с ними браниться. Иные, действительно, смеялись, другие качали головами; всем вообще было любопытно поглядеть на помешанную с перепуганными детьми.

Домашнее задание.

План прочтения шестой части романа.